

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Д. М. Насилов

ТЮРК. -а- КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Семантика способов глагольного действия (далее — СД), выражаемых в алтайских языках аффиксально, довольно разнообразна: интенсивность — учащательность — ритмичность, т. е. здесь передаются по преимуществу количественные модификации действия¹. Возникает вопрос, являются ли эти значения исторически первичными или аффиксы имели и иные значения, указывая, например, на качественное своеобразие действия-состояния. Поскольку аффиксы СД неразрывно связаны с системой глагольного словообразования, для ответа на поставленный вопрос приходится обращаться к наблюдениям за использованием данных формантов в словообразовательных целях в различных лексико-грамматических группах глаголов.

Г. И. Рамстедт, выделяя в алтайском слове «основу» и «окончание», т. е. неизменяемую начальную часть слова и часть варьирующуюся, изменяемую и несущую какие-либо лексико-грамматические функции, среди «окончаний» находил два вида: основообразующие и словоизменительные (флексия)². Однако в практике своих сравнительно-исторических штудий он не различал регулярно и четко эти две разновидности «окончаний», а среди первых — форманты слово- и формообразования, за что и подвергся критике со стороны Н. А. Баскакова, писавшего: «Что касается словообразования, то вся масса аффиксов . . . рассматривается автором без

¹ См.: Д. М. Н а с и л о в. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. О «качественной» и «количественной» аспектуальности см.: Ю. С. М а с л о в. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного / несовершенного вида. — Советское славяноведение. 1973, № 4.

² См.: Г. И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание. Русск. пер. под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова. М., 1957, с. 26—27, 34; о н ж е. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. — JSFOu. 28, 3, 1912 (далее — Г. Р а м с т е д т. Глаголообразование), с. 1—4.

дифференциации их на соответствующие типы и разряды, образующие своеобразные системы лексико-грамматических и функционально-грамматических категорий, специфичных для той или иной группы языков»³. Между тем если при синхронном описании алтайских языков такое различие допустимо, то при историческом исследовании подобное строгое противопоставление представляется неоправданным, ибо грани между такими формативами подвижны и возможны их взаимопереходы. Для алтайских языков, видимо, вообще целесообразнее исторически выделять разряд деривационных показателей как модификаторов смысловой стороны слов, которые противопоставлены реляционным показателям синтаксических связей слов⁴. Это особенно важно для алтаистических сопоставлений, когда смысловая и функциональная нагрузка деривационных формантов в отдельных языках и группах языков оказывается разноуровневой в силу неравномерности исторического развития языков, их разной настроенности по языковой детерминанте⁵. Признание аффиксов слово- и формообразования «п р и н ц и п и а л ь н о различными группами или разрядами», с одной стороны, и сопоставление их систем лишь с «соответствующими в той или иной степени т е м и ж е системами» (разрядка наша. — Д. Н.) — с другой, заметно бы ограничивали сравнительно-историческое изучение алтайских языков. При удовлетворительных фонетических соответствиях и при выявлении единства значений и функций формантов в разных языках, восходящего к праязыковому состоянию, можно возводить аффиксы к единой праформе⁶.

Развитие языка приводит к затемнению начальных словообразующих формантов, которые могут быть вычленены лишь в результате специального анализа и поисков первичного глагола. Образование какого-либо СД от глагола приводит к модификации лексического значения последнего, которая отражается также и в изменении его сочетаемостных способностей, в парадигматических сдвигах. Однако имеются случаи, когда между производящей и производной основой с показателем СД заметных различий в семантике не отмечается. Это объясняется либо затемнением лексико-грамматического (деривационного) значения данного форманта, либо явлениями междialeктной лексической интерференции, либо

³ Н. А. Баскаков. Предисловие. — Г. Рамстедт. Введение, с. 20.

⁴ См.: Г. П. Мельников. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 66—67; он же. Языковая стратификация и классификация языков. — Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 50.

⁵ См.: Г. П. Мельников. Алтайская гипотеза, с. 70—71.

⁶ См.: Д. М. Насипов. К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках. — ТС-1975. М., 1978, с. 180—188.

межъязыковыми контактами. Поэтому не всегда удается реконструировать для какого-либо показателя его первичное (праязыковое) значение или определить его роль в производной основе. Такие случаи, довольно частые в морфологии алтайских языков, не могут быть, однако, опровержением принципиальной возможности исторического сравнения деривационных показателей в трех группах алтайских языков — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, а также попыток реконструкции архетипов, значений и функций на праязыковом уровне и определения их филиаций по группам языков (resp. в отдельных языках).

Ниже рассматривается в сравнительно-историческом плане «первичный», простой показатель СД -а- в тюркских языках в сопоставлении с гомогенными формантами других алтайских языков — монгольских и тунгусо-маньчжурских. При этом учитываются алтаистические штудии Г. Рамстедта, В. Котвича, Н. Поппе, К. Менгеса, И. Бенцинга, а также работы по тюркской морфологии и лексикологии (Э. В. Севортяна, Б. М. Юнусалиева, Л. Н. Харитоновна, А. Н. Кононова, Б. А. Серебrenникова, А. М. Щербака, Н. З. Гаджиевой, М. Рясненна и др.). Цель настоящей статьи — обосновать и развить высказанные выше теоретические положения об изучении алтайского глагола.

Статус аффикса -а, несмотря на многие попытки, в историческом словообразовании тюркского глагола полностью еще не определен. Многих исследователей смущает тот факт, что один гласный -а (так же, как -і) выступает в качестве самостоятельного аффикса. Г. Рамстедт ни в работе о монголо-тюркском глаголообразовании, ни в «Введении» не высказал определенной точки зрения на его историю. Рассмотрев случаи образования глаголов от имен при помощи -а, он в первой работе не исключал возможности гетерогенной природы -а ⁷ [результат исторического распределения имен и глаголов с исходом одинаковой основы на гласный; ассимилятивные явления (ср.: қапа-‘пускать кровь’ при қап ‘кровь’ < <? *қап-ла-); отражение фонетического развития (-а < *-ҕа); пережиточная функция соединительного гласного (аналогическое образование, ср.: караим. кэмиш- ‘уменьшать’, уйг. кэми- ‘уменьшаться’ при кэм ‘малый, недостаточный’)]. Сходную точку зрения о гетерогенности показателя -а разделяет и Н. А. Баскаков, который считает его в системе словообразования «результатом контактирования фонетически различных аффиксальных образований» ⁸. Однако Г. Рамстедт во второй работе высказался более осторожно, обратив внимание лишь на спорность пратюркской реконструкции *-а (~*-і) как отдельного форманта исключительно по общим сооб-

⁷ Г. Рамстедт. Глаголообразование, с. 77—79.

⁸ См.: Г. Рамстедт. Введение, с. 240, примеч. 165.

ражениям (обычно это «соединительные гласные») ⁹. Тем не менее он вынужден был признать, что «глаголы на -а- в тюркском довольно многочисленны, и тюркологи единогласно принимают гипотезу существования глагольного суффикса -а- для производных образований» ¹⁰.

Аффикс -а, являющийся ныне непродуктивным, образовывал отыменные глаголы со значением признака процесса или его результата, названия процесса, результата, места и направления, орудия и формы в основном от имен с семантикой названия процесса, признака или результата, а также использовался при глаголах как показатель интенсивности и учащательности ¹¹.

Э. В. Севортян рассматривает этот аффикс в качестве «одной из древнейших и пережиточных форм глаголообразования в тюркских языках» ¹², которая позднее была вытеснена показателем -la и его производными. Важно подчеркнуть тот факт, выведенный из лексико-грамматического анализа глаголов с аффиксом -а, что функции последнего в основном аналогичны показателю -la ¹³, который, оставаясь наиболее продуктивным средством глаголообразования, «формирует значение производного глагола согласно одному из типов своих значений (а не по признаку глагольности вообще), совокупность которых и образует значение глагольности у аффикса -ла-» ¹⁴. Таким образом, в историческом плане отмечается преемственность функциональной нагрузки этих двух показателей. Аффикс -а выступал среди деривационных формантов, трансформирующих определенный класс конкретных имен существительных (образования от имен с отвлеченно-абстрактным значением малочисленны и нехарактерны для этой модели; кроме того, по наблюдениям Э. В. Севортяна, абстрактные значения развились на базе конкретных. — Сев. АГ, 213) в класс глаголов различной семантики. По всей вероятности, данный аффикс не столько выступал в качестве формального показателя деривационного преобразования «имя → глагол», сколько являлся семантически необходимым для преобразования смысла «предметное значение → глагольное значение», ибо для тюркских языков формальное обозначение класса глаголов (глагольных представлений) не является абсолютно необходимым. Об этом говорят отмечаемые исследователями нередкие случаи так называемой глагольно-именной омонимии (глагольно-именной синкретизм), т. е. формального

⁹ Там же, с. 179.

¹⁰ Там же.

¹¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962 (далее — Сев. АГ), с. 203—230.

¹² Там же, с. 203.

¹³ Там же, с. 214.

¹⁴ Там же, с. 88.

совпадения глагольной и именной основ¹⁵. Характерно, что и в этом случае отмечается такое же семантическое отношение между именем и глаголом, как и при аффиксальном глаголообразовании: «господствующими являются названия процесса, признака процесса или результата. . .»¹⁶. Поэтому можно заключить, что процессы отыменного глаголообразования в тюркских языках в семантическом плане не претерпевали существенных преобразований в ходе обозримой истории данных языков. Э. В. Севортян показал также, что при сохранении семантических моделей происходили тем не менее сдвиги в направлении формального закрепления отыменного и отглагольного словообразования и дифференциации этих процессов благодаря более узкой специализации простых аффиксов или создания сложных (составных, фузионных) аффиксов. Такие процессы в сфере глагола свойственны не только тюркским языкам, но и другим алтайским, и даже — шире — урало-алтайским языкам, что отмечалось многими исследователями¹⁷.

«Отношения орудия, предмета действия и пр. составляют преобладающие значения основ глаголообразования»¹⁸. Именно такие характерные смыслы, как «действовать чем-либо», «заниматься чем-либо», «применять что-либо», «использовать что-либо», «добиваться при помощи чего-либо», «являть что-либо», «быть чем-либо» и т. п., требуют в тюркских языках использования специальных деривационных морфем для своего выражения. В передаче многих указанных значений использовался и аффикс -а. Общим абстрактно-грамматическим значением, которое определяется в конечном итоге сущностью глагола, было в данном случае указание на динамическую природу явления, его процессный характер, ибо здесь всегда «выражается процесс, характеристика которого присоединяется к лексическому значению слова, поддающемуся выражению процесса»¹⁹. Представление о процессе, динамическом признаке связано с представлением о временной протяженности какого-либо явления, его длительности, типичности, множественности проявления. На этой основе можно попытаться реконструировать и более частное конкретное значение глаголообразующего форманта -а, которое, вероятно, будет также связано с наиболее

¹⁵ Подробнее об этом см.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974 (далее — СЭСТЯ), с. 26—45.

¹⁶ Сев. АГ, с. 419.

¹⁷ См.: Г. Рамstedt. Введение, с. 218—219; В. Л. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 46—64; Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, с. 330—335.

¹⁸ Сев. АГ, с. 547.

¹⁹ И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1948, с. 180.

общим значением данной модели словообразования — процессуальным признаком, накладывающимся на семантику конкретного предметного имени. Таким частным значением могло быть значение «многократность», «повторяемость»²⁰. Учитывая широкий семантический круг образуемых с помощью -а глаголов, можно было бы предположить, что его значением являлось только указание на глагольный характер производного слова, т. е. «признак глагольности». Однако от этого предположения следует отказаться по двум причинам. Во-первых, специальное обозначение глагола для тюркских языков, как уже указывалось, не является обязательным. Любой глагол, как непроеизводный, так и производный, обладает признаком процессуальности, который органически входит в лексико-грамматическую природу этого разряда лексики. Тюркские языки, подчиняющиеся принципу экономии служебных элементов, используют деривационные показатели очень экономно. Г. Рамстедт отметил, что «имя может быть, так сказать, „конверсировано“, т. е. применяться в роли глагола, и не будучи снабжено каким-либо особым окончанием»²¹. Во-вторых, соотношение «имя → производный глагол» семантически не одно-однозначно, поэтому значение глагола не есть значение имени + признак глагольности. Реализация словообразовательных значений здесь осуществляется через сложную систему смысловых трансформаций, конечным результатом которых является глагол с определенной семантической структурой, а не просто «оглаголенная» (только функционально) семантика имени с конкретным значением. Поэтому применение аффикса -а семантически обусловлено, и он реализует в данной словообразовательной модели свое деривационное значение; с формальной стороны наличие деривационного форманта -а сигнализирует об определенной модели, в которой может проявиться одно из словообразовательных значений.

Э. В. Севортян указывает для аффикса -а две функции: словообразовательную и грамматическую (выражение учащательности — интенсивности). «В глаголообразующем аффиксе -а- значение учащательности не получило значительного развития в эпоху, близкую к современной. Оно исчезло из тюркских языков вместе с потерей аффиксом -а- своей продуктивности»²². Б. А. Серебренников, рассматривая соотношение аналогичных значений у показателя -la, принимает, что деноминативный показатель -la восходит к многократному показателю -la²³. Он восстанавливает семантическое развитие этого показателя от значения многократности

²⁰ Г. П. Мельников в одной из бесед с автором определил это значение очень удачно как «много-делание».

²¹ Г. Рамстедт. Введение, с. 179.

²² Сев. АГ, с. 229.

²³ Б. А. Серебренников. К истории суффикса деноминативных глаголов -la в тюркских языках. — СТ. 1972, № 5, с. 67.

через ступень обозначения ослабленности действия к осмыслению его как чисто глаголообразовательного форманта, утратившего позднее в деноминативных образованиях свое собственное значение: здесь действует закономерность: «если какой-либо формант получает новое значение, то сфера его прежнего значения может сильно сузиться»²⁴. Последнее объясняет, по мнению Б. А. Серебренникова, редкое использование показателя *-la* в качестве средства образования от глагольных основ многократных глаголов, форм учащательности.

Поскольку выше было указано, что семантический потенциал и функции аффикса *-а* и аффикса *-la* исторически совпадают, приведенные положения можно было бы распространить и на интересующий нас аффикс *-а*, т. е. принять вслед за Б. А. Серебренниковым направление его развития от формы многократности к показателю отыменного глагола вообще. В принципе такой путь развития аффикса *-а* подсказывается не только аналогией с аффиксом *-la*, но и картиной распределения его функций в сохранившихся почти во всех тюркских языках глаголах: многократных глаголов с *-la* — единицы на фоне всех случаев его словообразовательного использования. Однако, как нам представляется, при реконструкции значений этого аффикса следует учитывать ту особенность тюркских языков, которая выделяет их (а также и монгольские) среди прочих алтайских, — слабое развитие аффиксальных средств выражения СД глагола. Эта тенденция для тюркских языков не нова. Напротив, как свидетельствуют факты использования непродуктивного (точнее — мертвого) аффикса *-а*, и в древнейшей истории тюркских языков выражение многократного СД аффиксально не было широко развитым.

По мнению Э. В. Севортяна, этот аффикс потерял продуктивность уже ко времени первых письменных тюркских памятников²⁵. Учитывая общетюркский характер образований с *-а* и их семантический спектр, можно заключить, что формант *-а* является древнейшим общетюркским показателем и что его функционирование относится к периоду праязыкового состояния, т. е. его можно рассматривать как праязыковой формант, частным грамматическим значением которого было значение «многократность» ~ «повторяемость» ~ «обычность» и, как вариант, «учащательность». Все эти значения процессны по своему содержанию, поэтому не удивительно, что аффикс *-а* связан функционально преимущественно с глаголом. При присоединении его к определенным типам имен, «поддающихся» (Мещанинов) приписыванию им глагольных признаков, происходило совмещение их семного содержания с значением «многократность» у аффикса *-а*, в результате чего образовывались глаголы от имен со своим особым семанти-

²⁴ Там же, с. 66

²⁵ Сев. АГ, с. 203, 221, 230.

ческим содержанием, которое только детерминировалось значением имени. Присоединение аффикса -а к глаголу, который по своей природе уже обозначает процесс, позволяло реализовать также значение «многократность», причем более явно, чем в первом случае, возникает глагол с многократным (либо учащательным) значением, однако и в данном случае происходит трансформация лексического значения, и производный глагол в этом плане не тождествен полностью глаголу производящему; мера их различия определяется каждый раз индивидуально на основе взаимодействия лексических значений основы и значений аффикса -а.

Если принять предлагаемую картину функционирования аффикса -а, то отпадает необходимость искать направление развития этого форманта на тюркском праязыковом уровне. Таким образом, его статус будет характеризоваться следующим образом: в тюркском праязыке в сфере глагола (т. е. выражения процессных, динамических признаков) имелся деривационный формант -а со значением «многократность», который выступал в деноминативных дериватах и в отглагольных, подчеркивая в последнем случае специально многократность, повторяемость, а также учащательность и интенсивность глагольного действия, т. е. он использовался здесь как показатель многократно-учащательного СД (итератив или мультипликатив). Иначе говоря, в сфере глаголообразования использовался не показатель многократного действия глагола, а формант, который и в том, и в другом (т. е. СД) случаях реализовал одно и то же свое значение «многократность», и тем самым «многократный» аффикс не приобретал н о в о й функции глаголообразования, а выполнял ее уже в праязыке. Следовательно, возникновение указанных функций относится к более раннему состоянию языка, возможно прототюркскому или еще более раннему, когда возникла необходимость формально закрепить данный деривационный процесс. Тогда низкую частотность проявления многократного значения у глаголов на -а можно легко объяснить неразвитостью использования аффиксальных средств выражения СД в тюркских языках, причины которой коренятся, видимо, в особенностях их грамматического строя и не получили пока удовлетворительного объяснения в традиционной тюркологии. Низкая частотность говорит, вероятно, не о потере аффиксом -а функции выражения многократного СД, а отражает общетюркскую тенденцию, которая проявляла себя уже и в период активного функционирования этого аффикса и, следовательно, связана также с самыми ранними этапами развития тюркских языков (вплоть до прототюркского).

С предлагаемых позиций появляется возможность по-иному рассмотреть функцию форманта -а, выступающего в других глагольных образованиях, помимо упомянутых. Одним из сложных и спорных вопросов в тюркологии и в алтаистике в целом является

вопрос о тождестве грамматических формантов, особенно тех, которые синхронно воспринимаются как омонимичные²⁶. Часто это связывается со стремлением реконструировать полнозначное (или служебное) слово и только через него этимологически идентифицировать оморфемы. Более сложным является непосредственное восстановление первичного значения морфемы и установление способов его реализации в различных грамматических категориях.

Конечно, семантическое сходство ряда синхронно функционирующих показателей не может быть прямым доказательством их генетической тождественности²⁷. Однако если каждый из случаев их употребления может быть интерпретирован как конкретное проявление общего значения, вопрос о единстве данных морфем приобретает реальные основания.

Прежде всего следует рассмотреть сложный аффикс *-ауан*, в составе которого вычленяются форманты *-а-* и *-уан*. Этот аффикс употребляется в ряде современных тюркских языков²⁸: в каракалпакском, ногайском (чаще в караногайском диалекте), в кумыкском он образует причастия настоящего или настоящего-будущего времени со значением обычного, привычного, постоянно совершающегося действия, например: к.-калп. *қашаған бийе* 'норовистая кобыла', 'тот, кто так и норовит убежать' (*қаш-* 'бегать, убежать'), *береген қолым алаған* 'дающая рука и брать любит', *береген* 'дающий постоянно' (*бер-* 'давать', *ал-* 'брать'), *көреген* 'зоркий, наблюдательный' (*көр-* 'видеть'), *табаған* 'находчивый, удачливый' (*тап-* 'находить, приобретать'); ног. *келеген* 'постоянно приходящий' (*кел-* 'приходить'), *ятаған ер* 'место, на котором постоянно (обычно) лежат' (*ят-* 'лежать'); кумык. *тюз юрйюген сагъат* 'часы, которые ходят верно' (*юрю-* 'ходить'), *эсинден чыкъмайгъан* 'незабываемый, незабвенный' (*чыкъ-* 'выходить'), *паровоз къурагъан завод* 'паровозостроительный завод' (*къур-* 'строить'); в чувашском языке аффикс выступает в форме *-акан* ~ *-екан*, создавая причастия настоящего времени также со значением незаконченного, продолжающегося действия с оттенком его обычности, например: *пурăнакан сурт* 'жилой дом' (*пурăн-* 'жить'), *пĕлекен сын* 'знакомый человек' (*пĕл-* 'знать'); в нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языка отмечены единичные случаи употребления причастия настоящего-будущего времени на *-ауан*; в узбекском языке имеются отдельные субстантивированные или адъективированные образования с непродуктивным аффиксом *-агон* со значением типично проявляемого действия-свойства — *билагон* 'знающий, зна-

²⁶ См., например: Г. Джуреева. Об омонимичных аффиксах в узбекском языке. — СТ. 1975, № 1 с. 12—18.

²⁷ Б. А. Серебряников. Из истории звуков и форм тюркских языков. — СТ. 1974, № 6, с. 9.

²⁸ Сведения и примеры здесь и далее почерпнуты из грамматик и словарей тюркских и других алтайских языков.

ток' (бил- 'знать'), *топагон* 'находчивый, смекалистый' (*топ-* 'находить'), *олагон* 'обладающий хорошей хваткой (о собаке)', 'хапуга' (*ол-* 'брат'), *кулагон* 'смешливый, хохотун' (*кул-* 'смеяться'); в языке желтых уйгуров употребляется аффикс причастия настоящего времени *-оган ~ -уган* (Э. Р. Тенишев) — *ақуған су* 'текущая вода'. Образования с аффиксом *-аған* известны в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.), в сочинении Ибн Муханны (XIV в.), в памятниках староузбекского языка; их значения сходны с указанными выше, только Ибн Муханна подчеркивает интенсивно-учащательный характер совершаемого действия: «если же снабдить последнюю букву [глагольного корня]... полновучной фатхой... то это [будет служить] к усилению [этой формы], напр., 'берущий' — *آلغان*»²⁹.

П. М. Мелиоранский предложил интерпретировать показатель *-аған* как интенсивную форму причастия на *-аң*, где показателем интенсивного значения выступает *-а-*, распространяющий исходную производящую основу глагола: «в турецком языке была и отчасти есть возможность образовывать от глагольных корней ряд „интенсивных“ или „потентативных“³⁰ основ путем прибавления к корню в некоторых диалектах узкого, а в других широкого гласного звука»³¹.

Таким образом, с точки зрения П. М. Мелиоранского, с помощью аффикса *-а* образуется новая основа глагола с интенсивно-учащательным значением, причастная форма от которой имеет значение интенсивно и активно проявляющегося в данный момент действия. Этимология, предложенная Мелиоранским, принята ныне рядом тюркологов. Как интенсивную форму на *-а* от исходного глагола *+ -аң* рассматривают данное образование и А. Н. Кононов³², а также К. Г. Менгес для каракалпакского³³, А. М. Щербак для староузбекского языка и языка восточнотуркестанских текстов X—XIII вв.³⁴ М. Ряснен, не определяя специально се-

²⁹ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. 017.

³⁰ В данном случае речь должна идти, видимо, о другом омонимичном аффиксе *-а* — показателе возможности, который возводится к не сохранившемуся в современных тюркских языках глаголу *и-* 'мочь'; сложный аффикс *-а+та-* (глагольное отрицание) < *и+та-* функционирует в турецком языке — см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 191.

³¹ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, с. LXIV.

³² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 156.

³³ PhTF. I, с. 475.

³⁴ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 149; он же. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 138.

мантики показателя -а (~-i ~-u), ссылается на мнения П. М. Мелиоранского и В. Л. Котвича о его интенсивном характере ³⁵.

Н. К. Дмитриев, признавая за элементом -а- в кумык. -агъан некую «специальную функцию», не соглашается с П. М. Мелиоранским в вопросе распространения глагольных корней «интенсивной» формой на -а и предлагает сопоставить его с -а- в форме причастия будущего времени -а- + -жакъ ³⁶.

Однако есть и иная этимология аффикса -ауап, которая предложена Н. А. Баскаковым: он рассматривает -а- как показатель деепричастия и весь показатель -ауап как результат стяжения аналитической формы -а + tur-уап, т. е. причастие на -уап от вспомогательного глагола tur- 'стоять' ³⁷. Действительно, в ряде тюркских языков отмечены данная аналитическая форма или восходящий к ней показатель -adiуап ~ -атап ~ -атин, которые выражают совершающееся в данный момент длительное действие. Н. А. Баскаков выстраивает все эти формы в один ряд: -а + tur-уап > -а-tur-уап > -а-(tur)-уап/-а-t(ur → а)-уап/-а-tu(r)-уап > -ауап/-а-ta-уап/-а-tu-уап/-а-ti-уап > -а-tin. Различный фонетический облик данных показателей в тюркских языках зависит, с его точки зрения, от своеобразия развития единой исходной формы -а + turуап. В основе последней лежит, как это видно, аналитическая форма длительного способа глагольного действия, типичная не только для тюркских, но и для других алтайских языков ³⁸. Грамматикализация компонентов аналитической формы СД и возникновение на базе этого синтетического показателя — явление, свойственное алтайским языкам, поэтому путь развития -а + turуап > > -adiуап/-атауап/-атин, предлагаемый Н. А. Баскаковым, правомерен. С помощью этих формантов образуются причастия настоящего длительного времени, которые могут выступать и в качестве сказуемых. Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных аффиксах сохраняется реликт вспомогательного глагола tur- 'стоять' в виде -t- (ср. в связи с этим эволюцию показателя 3-го лица в глагольных формах: turur > -tur > -ti/-di > -t) и кроме того рефлекс в некоторых языках узкого гласного (ср. к.-калп. -атин). В то же время аффикс -ауап отмечен начиная с памятников тюркской письменности XI в. только в данном фонетическом облике, причем он сохраняется и в современных языках, где имеются упоминавшиеся аффиксы причастия или спрягаемой формы настоящего времени с -t- (в языках ногайском, каракалпакском, кумык-

³⁵ М. R ä s ä n e n. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO. 21. 1957, с. 152—153.

³⁶ Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 156—157.

³⁷ См.: Н. А. Б а с к а к о в. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, с. 111—112; он же. Каракалпакский язык. II. Ч. 1. М., 1952, с. 431.

³⁸ См.: Д. М. Н а с и л о в. Формы выражения способов глагольного действия, с. 126—127, 157, 160.

ском, чувашском). Имяобразующие функции этого показателя в азербайджанском и других тюркских языках подробно описаны Э. В. Севортьяном³⁹.

Особенностью этой формы является также отмеченная в некоторых языках ущербная морфология: в чувашском, ногайском, каракалпакском языках она не имеет отрицательной формы с -та- и по преимуществу выступает в атрибутивной функции. В кумыкском языке есть полная парадигма спряжения формы на -аҗап. П. М. Мелиоранский объясняет это морфологическим перераспределением и опрошением показателя: «... надо предположить, что у кумыков сознание существования „интенсивной“ основы на -а, -ä утрачено и произошло уже неправильное отделение суффикса от корня, а именно, например, *jaz+ağan* вм. *jaz+a+ğan*, откуда и получился новый суффикс -аҗан, -äğän»⁴⁰.

Интересно отметить также и тот факт, что в хакасском языке только от двух глаголов *пар-* 'идти', *кел-* 'приходить' причастие настоящего времени образуется с помощью показателя -иҗан/-иҗен: *париҗан кизи* 'идуший человек'⁴¹, от прочих глаголов используются аффиксы, восходящие к аналитическим формам -а+ -четкен, -а+ -дирген, -а+ -одырған, -а+ -турған. Причастие на -иҗан также имеет только положительную форму. Два указанных глагола отличаются в этом языке аномалией и в образовании формы настоящего времени. Она образуется с помощью аффикса -ир: *пар-ир* 'он идет', *кел-ир* 'он приходит'; от прочих глаголов это время продуцируется сложным аффиксом -а+ -дыр/-дир.

Наконец, некоторые тюркологи считают, что показатель причастия -җап присоединяется к форме деепричастия настоящего времени на -а или показателю настоящего времени на -а⁴².

Итак, форма на -аҗап характеризуется рядом обращющих на себя внимание особенностей. Отметим следующие: а) ареал распространения ее ограничен (как живая форма только в части кыпчакских языков, в других языках как реликт⁴³); б) форма фиксируется в письменных памятниках начиная с XI в.; здесь примечателен тот факт, что средневековые филологи указывают ее «интенсивно-длительное значение»; в) в современных тюркских

³⁹ Э. В. Севортьян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966 (далее — Сев. АИС), с. 319—322.

⁴⁰ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, с. LXIV, примеч. 2.

⁴¹ Грамматика хакасского языка. М., 1975 с. 232.

⁴² См.: В. Г. Егоров. Глагол. — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары. 1957, с. 216.

⁴³ Возможно, что в чувашском языке форма на -акан заимствована из кыпчакских языков (см.: В. Г. Егоров. Глагол, с. 218—219; И. А. Андреев. Причастие в чувашском языке. Чебоксары. 1961, с. 127; Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975, с. 94—95).

языках (кроме кумыкского) форма на -ауап имеет обычно ущербную парадигму; г) в языках отмечаются синонимические образования разной степени семантической близости к ней, также передающие значение протекающего в данный момент действия или реализующегося постоянного признака-свойства; д) наличие в ряде тюркских языков субстантивированных слов с аффиксом -ауап.

Все эти факты свидетельствуют об особом статусе данной формы: в ней можно видеть весьма архаичное образование, состоящее из показателя «многократности» -а- и показателя отглагольного имени на -уап, а не новейшую стяженную форму, как это предполагает Н. А. Баскаков ⁴⁴.

В. Котвич, вслед за Ж. Дени ⁴⁵, обратил внимание на наличие и других параллельных аффиксов с -а и без -а ⁴⁶: -таq ~ -атаq, образующего отглагольные имена (тур. tut-a-mak 'ручка' < tut- 'держать'); -лаq ~ -алаq (тур. toralak 'круглый'); -паq ~ -апаq (азерб. *сызанаг* 'прыщик' < *сыз-* 'просачиваться'); -гаq ~ -агаq (тур. tutaraq 'трут, фитиль'); -жаq ~ -ажаq — показатель причастия будущего времени; -гаъ ~ -агаъ (кирг. *көрөөгөч* 'зоркий' < *көр-* 'видеть'). В этих аффиксах он отмечает -а, которое распространяет, возможно, производящую глагольную основу для выражения повторяющегося действия, семантика которого сказывается и в именных формах. Правда, некоторые из приведенных им аффиксов допускают иную членимость, например, -лаq ~ -алаq может рассматриваться как именной показатель -(а)q, который присоединяется к отыменному глаголу на -la ⁴⁷; в -атаq, как это недавно предложил А. Н. Кононов, можно видеть масдарный аффикс -m с широким соединительным гласным -а- + аффикс уменьшительности -aq ⁴⁸. Тем не менее в части приводимых разными авторами примеров несомненно наличествует показатель -а, который выступает распространителем, или модификатором, исходных глагольных основ.

В. Котвич, признавая наличие в тюркских языках дуративного показателя -а (~ -ā), образующего вторичные («видоизмененные») глагольные основы, рассматривал -а в отыменных глаголах и -а в деепричастии настоящего времени как не связанные между собой форманты ⁴⁹. На связь интенсивно-дуративного -а и -а в указанном деепричастии обратил внимание Б. А. Серебренников,

⁴⁴ См.: В. Л. Котвич. Исследование, с. 359, примеч. 43.

⁴⁵ J. D e n i s. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), P., 1921, с. 563, 569, 581 и др.

⁴⁶ В. Л. Котвич. Исследование, с. 214—216.

⁴⁷ См.: Сев. АИС, с. 217—221.

⁴⁸ А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки. — СТ. 1975, № 2, с. 83.

⁴⁹ В. Л. Котвич. Исследование, с. 215.

допускающий путь развития форманта учащательности в показатель настоящего времени⁵⁰. Если принять другую гипотезу Б. А. Серебренникова о возможности развития показателя учащательности в глаголообразующий аффикс (на примере аффикса -la — см. выше), то допустимо связать также и использование -а как словообразующего аффикса с другими упомянутыми функциями. Тем самым выстраивается целый ряд функций показателя -а в морфологической системе тюркских языков: образование отыменных глаголов, образование вторичных глагольных основ с учащательно-интенсивным значением, образование настоящего времени преимущественно со значением активно протекающего действия. Сюда же должно быть отнесено употребление -а в качестве показателя деепричастия сопутствующего действия, если признавать, что данная его функция отлична от использования в форме настоящего времени на -а, хотя некоторые тюркологи считают, что в основе последнего лежит именно деепричастный показатель⁵¹.

Б. А. Серебренников рассматривает указанные выше значения тюркского аффикса -а как филиации значения собирательной множественности, полагая, что «возникновение новых значений совершается в рамках одного форматива»⁵². Поэтому исходным признается некое значение определенного типа множественности, которое реализуется первоначально преимущественно в сфере имен. Выше упоминалось, что в алтаистике не решен вопрос о соотношении именной и глагольной аффиксации и о переходе показателей одной категории в другую. Трудность исчезает, если признать, что формант -а, имея собственное грамматическое значение «многократность», реализует его в различных позициях, передавая определенные смысловые модификации производящей основы (и именной, и глагольной). Нетрудно видеть, что все приведенные случаи объединяет значение фреквентативности, или, употребляя термин Котвича, «дуративности».

Таким образом, образование глаголов от имен и образование глаголов с учащательно-интенсивным значением — суть две деривационные функции гомогенного показателя -а с общим значением «многократность»; эти функции дистрибутивно обусловлены и поэтому воспринимаются столь независимыми и несовместимыми друг с другом. В «Этимологическом словаре» Э. В. Севор-

⁵⁰ Б. А. Серебренников. Из истории звуков и форм, с. 12—13; см. также: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 171—175.

⁵¹ См., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 145—146; В. В. Решетов. Узбекский язык. — Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 349.

⁵² См.: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования, с. 158—177. Ср.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, с. 166.

тя неоднократно указывает на двоякое толкование образований с -а: либо как отыменных глаголов, либо как вторичных глаголов с учащательным значением, если удастся восстановить первичный глагольно-именной оморфный корень. Ср.: «ере- ~ ери- ['таять'] можно рассматривать как производный глагол от именной основы *ер... или как вторичный глагол от *ер- ~ *ир-, наращенный показателем интенсивности или учащательности -е- ~ -и-» (СЭСТЯ, 290). С точки зрения глагольно-именного синкретизма в ранней истории тюркских языков, которую активно поддерживает Э. В. Севортян, именно указанная двойственность подтверждает единство деривационных значений показателя -а.

Среди примеров использования этого аффикса, отмеченных в памятниках древнетюркской письменности, можно указать на следующие образования, которые находят также корреспонденции и во многих современных тюркских языках (параллели см. в словарях Севортяна и Рясенена):

аγīna- 'биться, содрогаться' ~ аγна- 'то же' < аγīn- + -а < аγ- + -īn- + -а < āγ- < *āγ- 'опрокидываться' + гл. имя -īn- + гл. аф. -а (СЭСТЯ, 69; RVEWT, 7);

amga- 'любить' < amīr < abīr 'мир, спокойствие' + гл. аф. -а, или < монг. *абрах* (СЭСТЯ, 59—60); отмеченная в манихейском гимне форма amīr- 'любить'⁵³ является результатом ложного членения формы причастия настоящего времени amgar < am(i)ga- + -г;

aša- 'есть' < āš 'пища' + -а (СЭСТЯ, 211—212);

baša- 'делать надрезы' < baš 'рана' + -а;

boša- 'освободиться' < boš 'свободный' + -а;

enä- 'метить, делать надрез' < en ~ in ~ im 'знак, метка' + -ä (СЭСТЯ, 277—278, 632—633);

esnä- 'дуть' < esin 'ветер' [*es- ~ *ös- 'дуть' + гл. им. -in] + -ä (СЭСТЯ, 533);

igä- 'точить' < *eg/*ek ~ *eg-/*ek- 'пилить, обтачивать' + -ä (СЭСТЯ, 327—328);

jalīna- 'пылать' < jalīn 'пламя' [jal- 'воспламеняться' + гл. имя -īn] + -а;

jelnä- 'набухать (о вымени)' < jelin 'вымя' + -ä;

jola- 'вести, сопровождать' < jol 'дорога' + -а;

küčä- 'принуждать' < küč 'сила, насилие' + -ä;

küzä- 'проводить осень' < küz 'осень' + -ä;

oĵna- 'играть' < oĵun 'игра' [*oĵ- 'играть' + гл. имя -un] + -а (СЭСТЯ, 436);

⁵³ См: W. B a n g, A. v. G a b a i n. Türkische Turfan-Texte. III. B., 1930, с. 12; ДТС, с. 41.

ogna- 'размещать' < oɣun 'место' [$*\text{or-}$ 'помещать' + гл. имя -un] + -а (СЭСТЯ, 478—479);

ota- 'зажигать' < ot ~ ôt 'огонь' + -а;

ota- 'лечить' < ot 'трава, зелье' + -а (СЭСТЯ, 482);

öçä- 'враждовать' < öç 'мечь, гнев' + -ä (СЭСТЯ, 559);

öpä- 'взмывать' < öp- ~ öpn- 'подниматься' + -ä (СЭСТЯ, 532).

örtä- 'жечь, гореть' < ört 'огонь' [$< *örüt < *ör-$ 'гореть' + гл. имя -üt (СЭСТЯ, 550—551)] + -ä;

qajna- 'кипеть, вариться'; 'кишеть' < qajin- 'кипеть' + -а;

qana- 'кровоточить' < qan 'кровь' + -а;

qarša- 'мерить пядью' < qarış 'пядь' + -а;

qarta- 'бередить рану' < qart 'язва' + -а;

qata- 'присоединять' < qat 'слой' + -а ~ qat- 'смешивать' + -а;

qīna- 'делать ножны' < qīn 'ножны' + -а;

qīna- 'наказывать' < qīn 'наказание' ~ $*qīn-$ 'истязать' (ср.

qīndur- 'терзаться', qīnī 'ревностный') + -а;

qoqa- 'терпеть убыток' < qor 'убыток, вред' + -а;

sīṭa- 'плакать' < sīṭ 'плач' [$< *sīṭ- \sim *sīṭi-$ 'плакать' + гл. имя -(i)t] + -а (RVEWT, 415);

sīqa- 'гладить, проводить рукой' < sīq- 'давить' + -а;

suva- 'орошать, наводнять' < suv 'вода' + -а;

tara- 'рассеивать' < tar- 'распускать, разгонять' + -а;

ternä- 'собирать' < terin 'сборище' [$< ter-$ 'собирать' + гл. имя -in] + -ä;

tölä- 'окопиться (об овце)' < töl 'момент родов'; 'детеныш' + -ä (töl + -lä-? — RVEWT, 493);

tünä- 'ночевать' < tün 'ночь' + -ä;

ula- 'связывать, присоединять' < $*ul$ 'связь' + -а (СЭСТЯ, 588);

una- 'соглашаться' < $*on \sim *un$ 'благо, добро' + -а (СЭСТЯ, 597);

uza- 'тянуться, длиться' < $*uz$ 'долгий, далекий' ~ $*uz-$ 'удлиняться, протягиваться' + -а (СЭСТЯ, 571);

ülä- 'делить, распределять' < $*ül$ 'часть, доля' ~ $*ül-$ 'делить' + -ä (СЭСТЯ, 629).

Примеры можно объединить в три группы.

Одну из них составляют образования от глагольных имен, производных от глаголов, которые самостоятельно функционируют начиная с исторического периода тюркских языков; например: jal- 'воспламениться' (ДТС) > jal- + -in > jalin 'пламя' > вторичный глагол jalin + -а > jal(i)na- 'пылать, воспламениться' (ДТС). Значительное количество глаголов образовано от имен, которые в историческом периоде широко представлены в тюркских языках как непроизводные; например: boṣa- 'освободиться' <

boš 'свободный' + -а. Третью группу составляют глаголы, производящие формы которых восстанавливаются только этимологически; например: *ülä-* 'делить, распределять' < **ül* 'часть, доля' ~ **ül-* 'делить' + -ä. Сюда же, видимо, следует отнести те случаи, когда не удается пока установить производящую именную или глагольную основы, например: *tuša-* 'надевать путы' < **tul'a-* (RVEWT, 501), хотя структурно форма *tuša-* предполагает возможность морфологического членения **tuš* + -а; ср. *tu-* 'закрывать, преграждать' (ДТС); *tuγ* 'преграда, заслонка' (ДТС); *tuzaq* 'силок'; *туса-* 'подвязывать' (РСл.). По-видимому, эти группы глаголов отражают хронологическую последовательность функционирования в тюркской грамматической системе аффикса -а как деривационного форматива, причем наиболее древним следует считать его использование в примерах третьего типа. Интенсивно-учащающее значение аффикса -а подтверждают лишь те образования, которые имеют параллель без этого форманта. Из приведенных выше примеров сюда относятся: *igä-* 'точить' — **eg-/ek-* 'пилить, обтачивать'; *öpä-* 'взмывать' — *öp-/öpn-* 'подниматься'; *qajna-* 'кипеть, кишеть' — *qajin-* 'кипеть'; *qata-* 'присоединять' — *qat-* 'смешивать'; *qäna-* 'наказывать' — *qän-* 'истязать'; *säqa-* 'гладить' — *säq-* 'давить'; *taqa-* 'рассеивать' — *tar-* 'разгонять'; *ülä-* 'делить' — **ül-* 'делить'; *uza-* 'длиться' — **uz-* 'удлиниться'. Отдельные формы известны также из современных тюркских языков: узб. *бура-* 'крутить' < *бур-* 'поворачивать' (Сев. АГ, 230), урн. 'стараться' < урин- 'прилагать усилия' (там же); кирг. *саба-* 'бить, колотить' ~ узб. *сава-* 'сечь' — ср. алт. *сап-* 'бить, махать' (РСл.); узб. *сўра-* < *сўр-* 'спрашивать'.

Раннее затухание словообразовательной функции аффикса -а позволило шире использовать его в сфере формообразования в области глагольных временных форм, где этот аффикс сохраняет активность на протяжении всего обозримого периода развития тюркских языков прежде всего в качестве показателя общетюркского деепричастия на -а или форматива настоящего длящегося времени в определенном языковом ареале (в том числе в составе сложного аффикса -аҕап и некоторых других).

Особым является вопрос о фонетическом облике данного показателя. Из тюркских языков только якутский отражает этот общетюркский показатель как долгий. Долгота представлена здесь и в живой глаголообразовательной модели (*ыараа-* 'тяжелеть' < < *ыар* 'тяжелый', *тууһаа-* 'солить' < *туус* 'соль'), и в омертвелых образованиях (*сабаа-* 'размахивать', *тутаа-* 'испытывать недостаток', *утаа-* 'опаздывать, медлить' — таких двусложных основ отмечено около 100) ⁵⁴. Учитывая, что значительное число якут-

⁵⁴ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков Л., 1970, с. 68—69; Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, с. 59—60, 126—128.

ских глаголов на -аа имеет общетюркские соответствия (ср. из приведенных выше примеров: аҕина- ~ як. ааһаа- 'валиться, кататься'; аһа- ~ як. аһаа- 'есть'; ойна- ~ як. оонньоо- 'играть'; тага- ~ як. тараа- 'расчесывать' и т. п.) и что функции аффикса -аа в якутском языке в сфере глаголообразования аналогичны рассмотренным, можно предположить первичную длительность этого аффикса. В. Котвич, касаясь данного вопроса, не пришел к однозначному выводу, допуская, что долгота возникла или по аналогии, или отражает развитие $\bar{a} < *-\gamma a$ ⁵⁵. Возможно, что долготу аффикса -ā следует рассматривать на фоне других, составных глаголообразующих формантов, где отмечается длительность гласного (ср. также як. -лаа, -таа, -саа, -ргаа), и формообразующих аффиксов (ср. туркм. -ān — деепричастие, як. -ааччы — имя деятеля и т. п.). В значительной мере решение этого вопроса зависит также от признания того факта, что в тюркских языках могли существовать исторически аффиксы, состоящие из одного гласного. Как указывалось, Г. Рамстедт выражал сомнения по этому поводу. То же решение предполагается и на общеалтайском уровне.

Поскольку функционирование аффикса -а можно отнести к пра-(~прото-?)тюркскому уровню, необходимо обсудить возможность наличия параллелей в общеалтайском плане. Г. Рамстедт, рассматривая тюркский глаголообразующий аффикс -а, не находил к нему монгольских и тунгусо-маньчжурских параллелей ⁵⁶. Однако когда он приводил показатели формообразования глаголов, а также именные аффиксы, то отметил соответствия тюркскому -а и в других алтайских языках ⁵⁷. Глагольные формы на -а он рассматривал как причастия настоящего времени: в тюркских языках это известная деепричастная форма на -а; в монгольских языках форма на -а ~ -е или -аᠢ ~ -еᠢ; в тунгусо-маньчжурских языках этот показатель как самостоятельный утратился и восстанавливается в сложных (инкорпорированных) глагольных формах типа ма. ʒaʔana- 'пойти, чтобы взять' < *ʒaʔ- 'брат' + *na- 'выходить'; в корейском -а ~ -е образует одну из употребительных глагольных форм ⁵⁸. Аффикс -аᠢ выделялся Г. Рамстедтом и в ряде монгольских имен типа агаᠢ 'мало' (ср. монг. агап, тю. аз 'мало'), в тунгусских и тюркских языках он должен был бы иметь варианты -а ~ -ä или исчезнуть ⁵⁹. Хотя с фонетической стороны все приведенные показатели вполне сопоставимы, Г. Рамстедт не идентифицировал их.

⁵⁵ См.: В. Л. Котвич. Исследования, с. 217—218.

⁵⁶ Г. Рамстедт. Введение, с. 178—179; Г. Рамстедт. Глаголообразование, с. 77—79.

⁵⁷ Г. Рамстедт. Введение, с. 108—112; 182—183.

⁵⁸ Там же, с. 108 и сл.

⁵⁹ Там же, с. 182 и сл.

С нашей точки зрения, эти аффиксы сопоставимы и семантически, поскольку и причастно-деепричастную функцию, и функцию отыменного глаголообразования и образования именных основ адъективного и наречного типа, и функцию образования вторичных глагольных основ интенсивно-уточительного значения можно интерпретировать как филиации единой деривационной функции показателя, имеющего обобщенное грамматическое значение «многократность» (в указанном выше понимании). Иными словами, показатель с этим значением может проявлять себя в одном языке или в группе языков в качестве формативов ряда морфологических образований, и поэтому нет прямой необходимости считать родственными только гомогенные его функции. Таким образом, если для аффиксов имеются удовлетворительные фонетически межъязыковые соответствия, которые подкрепляются семантическим единством их функций, то, видимо, можно признать, что мы имеем дело с межъязыковыми отражениями одного и того же форманта. Это заключение будет справедливым и для групп языков алтайской языковой общности, в данном случае — для исследуемого деривационного показателя -а, общеалтайский характер которого впервые установил Г. Рамстедт, правда не для всех случаев его функционального использования.

По мнению Г. Рамстедта, в монгольских языках отсутствует соответствующий аффикс отыменного глаголообразования в форме -а, если не думать, что -а < *-γa. В то же время для монгольского аффикса фактитива -γa он отмечал тюркский рефлекс в форме -qa ~ -qı ~ -q⁶⁰. Этой же точки зрения придерживается в общем и Н. Поппе, который видит также отражение мо. -γa < алт. *-ga в тюркских сложных аффиксах -γaq, -γaп⁶¹. Г. Рамстедт, а затем и В. Котвич⁶² хорошим соответствием тюрк. -а в деепричастии считали мо. -а ~ -e/-aı ~ -eı в отглагольном имени или причастии настоящего времени (Nomen imperfecti), которое имеет также вариант аффикса -γa. Относительно этого варианта Г. Рамстедт указывал, что здесь «-g- ~ (-γ-) не имеет никакого историко-фонетического значения, потому что он возник между гласными как заполнитель зияния»⁶³. Такого же мнения придерживается и Н. Поппе: общемо. *-γa есть результат развития общеалт. *-а, где -γ- выступает заполнителем зияния между гетеросиллабическими гласными (Hiatusilger), поэтому вариантом этого аффикса является также общемонг. *-γaı ~ *-geı⁶⁴. Г. Д. Санжеев, при-

⁶⁰ Г. Рамстедт. Глаголообразование, с. 10—16.

⁶¹ N. Poppé. Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen. — *Orientalia Suecana*. Vol. 21 (1972). Uppsala, 1973, с. 127—128.

⁶² В. Л. Котвич. Исследование, с. 302—306.

⁶³ Г. Рамстедт. Введение, с. 109.

⁶⁴ N. Poppé. Introduction to Mongolian Comparative Studies. — *MSFOu*. 110, 1955, с. 273.

водя точку зрения Г. Рамштедта, не высказывает своего отношения к устанавливаемым последним алтайским соответствиям⁶⁵. Итак, этот монгольский показатель отражается в доклассическом монгольском (до XVII в.) -*ʎaḯ*, кв.-письм. мо. -*ʎa* ~ -*ʎaḯ*, клас. мо. -*ʎa* и п.-мо. -*ʎa*, монг. -*aa* ~ -*гаа*, бур. -*aa* ~ -*гаа*, калм. -*a* ~ -*э*. «Причастие настоящего времени несовершенное выражает в монгольском такое действие, которое протекало в недавнем прошлом, но не было завершено и из-за своей незавершенности рассматривается как продолжающееся в настоящем»⁶⁶: *ʎaaa* 'идуший, продолжающий идти' < *ʎe*- 'идти', *байгаа* 'сущий, продолжающий быть' < *бай*- 'быть'. Семантика дпящегося признака-действия в этих образованиях примечательна.

В монгольских языках наличествует еще один показатель, имеющий форму -*ʎa*. Это показатель каузатива, или побудительного залога. Он отмечен во всех монгольских языках, но его активность и универсальность различны. В монгольском он предстает наряду с вариантом -*aa* как дополнительно распределенная форма вместе с другими показателями каузатива -*уул* и -*лга*, а в диалекте минхэ монгорского языка -*га* — единственный формант этого залога⁶⁷. Как указывалось, Г. Рамштедт сопоставлял мо. -*ʎa* только с тю. -*q* (ср. др.-тю. *jaq*- 'зажигать', но *jaṇ*- 'гореть'). Однако определенные семантические основания и фонетические соответствия позволяют, видимо, расширить круг сопоставлений и ввести в него рассматривавшийся выше слово- и формообразующий тюркский аффикс -*a*.

Детальный анализ алтайских показателей каузатива, осуществленный И. В. Кормушиным, показал, что «монгольские и тунгусо-маньчжурские праязыковые формы совпадают с двумя наиболее древними тюркскими; эти формы, следовательно, можно считать общеалтайскими: *-*б/ny*- и *-*к/га*-»⁶⁸. Поэтому, по схеме И. В. Кормушина, монгольский показатель каузатива -*ʎa* и варианты -*ха*, -*аа* возводятся к праформе *-*к(г)*-.

Примеры из монгольских языков: п.-мо. *ʒobaʎā*- 'мучить' < *ʒoba*- 'мучиться' — монг. *зовоо*-, бур. *зобоо*-, калм. *зова*-; п.-мо. *deptege*- 'промочить' < *debte*- 'промокнуть' — монг. *дэвтээ*-, бур. *дэвтээ*-, калм. *девтэ*-; п.-мо. *surʎa*- 'учить' < *sur*- 'учиться' — монг. *сурга*-, бур. *һурга*-, калм. *сурһ*-, монгор. *сурга*-; п.-мо. *butaʎaʎa*- 'разбить' < *butara*- 'разбиваться' — монг. *бутарга*-, бур. *бутарга*-,

⁶⁵ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 137.

⁶⁶ Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 138.

⁶⁷ См.: Б. Х. Тодаева. Монгорский язык. М., 1973, с. 98—100.

⁶⁸ И. В. Кормушин. Каузативные формы глагола в алтайских языках. — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков, с. 87; он же. Категория каузатива в алтайских языках. АҚД. Л., 1968, с. 12—13.

калм. *буырҫа*- 'мельчить' (RKW, 63); п.-мо. *унаҫа*- 'валить' < *уна*- 'валиться' — монг., бур. *унага*-, калм. *унһа*-, дун. *унаҫа*-, п.-мо. *садха*- 'насытить' < *сад*- 'насытиться' — монг. *цатга*-, бур. *садха*-, калм. *цадх*-.

Есть и семантические основания сближения показателя каузативности с показателем интенсивности-учащательности, поскольку за ними скрыто выражение общего значения «множественность», в данном случае множественность участников ситуации (субъектов-объектов) и множественность действий-состояний. Эта семантическая универсалия отмечена как для алтайских, так и для других языков ⁶⁹.

Таким образом, в пределах тюркских и монгольских языков можно сопоставить между собой аффиксы деепричастия (тюркские языки), причастия настоящего (монгольские языки), каузатива (монгольские языки) — показатели морфологических категорий — и аффиксы глаголообразования (отыменного и отглагольного в тюркских языках и отглагольного в монгольских языках) — показатели деривационные. Фонетически они представлены так: тю. -а ~ -ā — мо. -ҫа ~ -ā. Характерно, что в обоих случаях деривационные функции этих показателей оцениваются исследователями или как малопродуктивные, или даже как непродуктивные и архаичные, мертвые.

Интересные соответствия дают и тунгусо-маньчжурские языки. Г. Рамстедт также устанавливал прямое соответствие фактитивно-каузативного аффикса -ҫа в монгольском языке с эвенкийским -га, который выступает «как в качестве компонента различных окончаний, так и сам по себе» ⁷⁰; ср. -*вкән*, -*вкәт*. В эвенкийском языке аффикс -га образует «переходные глаголы от непереходных», т. е. имеет то же фактитивно-каузативное значение ⁷¹, например: *татыгә*- 'учить' < *тат*- 'учиться'; *итиҫә*- 'устроить' < *ити*- 'устроиться'; *балдивгә*- 'вырастить' < *балдив*- 'быть выращенным'. По наблюдениям И. В. Кормушина, это непродуктивный аффикс, число образований с ним около двадцати ⁷². Он обратил внимание на вполне закономерное явление: некоторые производные формы соотносятся с исходными как интенсивные; в его списке их отмечено пять — *каптакә*- 'раскатывать тесто' < < *капта*- 'сровнять' (аффикс -*кә*- принимается в качестве варианта

⁶⁹ См.: И. В. Кормушин. Категория каузатива, с. 12; Б. А. Себрякиных. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 171—177; он же. Исторические загадки глагольного аффикса -*štur*- в тюркских языках. — СТ. 1975, № 3, с. 17—22; Л. З. Сова. Функции суффикса -*isa*- в языке зулу. — *Africana*. 8. Л., 1971, с. 127—150.

⁷⁰ Г. Рамстедт. Введение, с. 156—157; см. также: N. Porre. Über einige Verbalstammbildungssuffixe, с. 124.

⁷¹ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика, морфология. М.—Л., 1964, с. 161.

⁷² И. В. Кормушин. Каузативные формы, с. 64—65 (список XIII).

-gā); *колтого-* 'расколоть' < *колто-* 'расколоть, ударить кулаком'; *пэсигэ-* 'разрубить' < ср. *пэхи-* 'разорваться'; *улькэ-* 'обкормить' < *уль-* 'кормить'; *хокого-* 'сломать, наломать сучья' < *хоко-* 'ломать'; сюда можно добавить: *кануга-* 'сломать, отломать' < *кану-* 'сломать'; *нэптэкэ-* 'расстелить' < *нэптэ-* 'развернуть'; *йэга-* 'влезть' < *й-* 'войти' (ЭРС, 74); *икэкэ-* 'повторять, подпевать' < *икэ-* 'петь' (ЭРС, 72); *каһуа-* 'рвать, раздирать' < *каси-* 'рвать' (ТМС, 382); *лунтуга-* 'выдернуть, выкорчевать' < *лунту-* 'вытащить' (ТМС, 512); *мэжкэ-* 'покачиваться' < *мэж-* 'качаться' (ТМС, 564); *тырэгэ-* 'побить' < *тырэ-* 'жать' (ЭРС, 171).

В эвенском языке в части основ с -га отмечается соответствие (ср.: эвен. *иргэ-* ~ *иргэ-* 'выкормить' < *ир-* 'зреть'; *кабък-* 'ломать' и др. — по ТМС); ряд подобных образований отмечается и в маньчжурском языке (показатель -кя ~ -гя ~ -хя): *алыкя-* 'поджидать' < *аля-* 'ждать'; *тувакя-* 'присматривать' < *тува-* 'смотреть' ⁷³; в нанайском (*дегди-* 'сжечь'), но *дегдэ-* '1. гореть, 2. жечься' — Бенцинг); в других тунгусо-маньчжурских языках кроме таких соответствий аффикс -га восстанавливается и в составе сложных аффиксов ⁷⁴.

В тунгусо-маньчжурских языках аффикс -га отмечается также в словообразовательной функции отыменного глаголообразования. В эвенкийском языке, где -га четко выделяется во вторичных глагольных основах, он образует глаголы, передающие действие, связанное с предметом, который обозначен в имени, а также глаголы — названия процесса ⁷⁵. Например, *касага-* 'преодолеть препятствие' — ср. нег., ороч., ульч., орок., нан. *кас* (изобр.) 'через, поперек' (ТМС, 382); *инйгэ-* 'перевязать вьюк' — *инй* 'вьюк' (Вас. ЭР, 172); *асага-* 'махать крыльями' — ср. орок. *җаса* 'крыло' (ТМС, 54); *тэвүгэ-* 'погрузить' — *тэвү* 'груз, кладь' (Вас. ЭР, 417). Следует обратить внимание на возможность двойного толкования некоторых из приведенных выше примеров в эвенкийском языке — в качестве либо отыменных глаголов, либо вторичных глаголов, что и наблюдается в грамматических описаниях. Так, О. А. Константинова форму эвенк. *колтогэ-* 'расплющить кулаком' рассматривает как отыменный глагол от *колто-* 'кулак' ⁷⁶, И. В. Кормушин трактует ее как вторичную глагольную основу от глагола *колто-* 'ударить кулаком' ⁷⁷. Действительно, в ряде случаев наблюдается глагольно-именной омоморфизм,

⁷³ О. П. С у н и к. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, с. 118.

⁷⁴ См.: И. В. К о р м у ш и н. Каузативные формы, с. 67—68; Г. Р а м с т е д т. Введение, с. 157; N. P o r r e. Über einige Verbalstammbildungssuffixe, с. 124.

⁷⁵ См.: О. А. К о н с т а н т и н о в а. Эвенкийский язык, с. 200.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ И. В. К о р м у ш и н. Каузативные формы, с. 64.

ср. еще эвенк. *итиγā-* 'наладить' — *ити-* 'устроиться' ~ *ити* 'обычай, порядок'; *инйгэ-* 'перевязать вьюк' — *инй-* 'вьючить' ~ *инй* 'вьюк'; эвенк. *икэкэ-* 'подпевать' — *икэ-* 'петь' ~ эвен. *икэ* 'песня, мотив'; эвенк. *хэлэкэ-* 'остаться лишним' — *хэлэ-* 'остаться лишним', но *хэлэкэ* 'избыток, остаток'. Возможно, что здесь представлены образования, различные по своему происхождению, в том числе исторически производные и поэтому этимологически членимые на морфемы (тогда совпадение глагола и имени случайное)⁷⁸. В некоторых глагольно-именных формах могут отражаться и более ранние этапы развития тунгусо-маньчжурских языков и в целом языков алтайских⁷⁹. Однако в рамках развиваемой здесь гипотезы решение указанных вопросов представляется неактуальным, ибо независимо от этого мы имеем использование единого показателя в одной из присущих ему деривационных функций.

Если на данном этапе согласиться с фонетическими отождествлениями Г. Рамстедта, В. Котвича и Н. Поппе, предложенными ими для рассмотренных выше показателей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, то можно сделать такие выводы. В трех группах алтайских языков представлены межъязыковые альтернанты аффикса, имеющего глаголообразующую функцию, как отыменную, так и отглагольную, или внутриглагольную. В результате первой возникают глаголы действия, как правило конкретного, содержание которого определяется семантикой основы. Во вторичных глагольных основах проявляется отчетливо значение учащательно-интенсивное, а также значение фактитива-каузатива; оба эти значения суть филиации общего значения «многократность». Своим значением учащательности и интенсивности действия данный аффикс соотносится с другими показателями СД данной семантики в конкретных алтайских языках, а также со всей системой СД, выражаемых в этих языках синтетически. Учитывая общие закономерности, а именно непродуктивность деривационной функции и значительную близость семантики во всех группах языков, можно считать анализируемый показатель одним из архаичных во всех алтайских языках, а также рассматривать его как реализацию общеалтайского архетипа. Признавая историческую продвинутость тюркских языков, можно объяснить и фонетический рефлекс его там в виде *-а* ~ *-ā* (вопрос о долготе спорный), в то время как в монгольских и тунгусо-маньчжурских его рефлекс закономерно как *-γа* ~ *-γā* ~ *-ā*. Общеалтайский прототип тогда следует представить в виде **-γа* ~ **-γā* ≤ **-kā* (вопрос о долготе не решается). Требуется

⁷⁸ См.: О. П. С у н и к. Глагол, с. 96—104.

⁷⁹ См.: А. М. Щ е р б а к. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. — ВЯ, 1975, № 5, с. 18—29.

уточнения и характеристика консонантного начала аффикса. С одной стороны, если принять добавочный характер сонанта-γ-, ядром этого аффикса остается широкий гласный -а (возможно, долгий -ā); с другой стороны, по реконструкциям Г. Рамштедта, В. Котвича, Н. Поппе, И. В. Кормушина допускается вариативность -γα ~ -ка (причем Кормушин считает носителем значения консонант -k^(°)) и за первичную форму, видимо, берется вариант *-ка. Поэтому щелевую реализацию консонанта можно признать вторичной. В. И. Цинциус отметила, что «большинство щелевых тунгусо-маньчжурских языков при сравнительном рассмотрении выступают как соответствия смычным и аффрикатам, причем некоторые щелевые (например, γ в эвенкийском и эвенском языках) не приобрели еще фонологической значимости»⁸⁰; последнее обстоятельство позволяет ей считать эти щелевые как бы новыми образованиями. Остается невыясненным вопрос, допустимо ли распространить указанную особенность тунгусо-маньчжурских языков на общеалтайское состояние⁸¹. Определение консонантного начала аффиксов требуется и при рассмотрении других показателей глагольного словообразования, которые описываются ниже.

С семантической стороны, очевидно, возможно общеалтайскому деривационному показателю *-γα ~ *-γā ≤ *-ка (?) приписать функцию выражения учащательности действия (итеративный СД) для праязыкового состояния отдельных групп алтайских языков.

Тюркские языки знают также отражение глаголообразующего показателя и в виде -γα. «Морфологически и семантически основы глаголов на -га- не отличаются от основ глаголов с аффиксами -а-»⁸². Модель с -γα представлена весьма ограниченным числом образований. В работе Э. В. Севортяна их выявлено по разным языкам около тридцати. В узбекском литературном языке отмечено 25 глаголов с показателями -га ~ -ға ~ -қа, включая сюда и образования неясного происхождения, в которых эти показатели определяются только внешне (например, *шиға* 'плотно набивать; стегать плетью' — *шиға* 'дружно, обильно'; *ишқа* 'тереть').

Аффикс -γα ~ -ка в тюркских языках проявляет себя, с одной стороны, как отыменный глаголообразующий формант: др.-тюр. *esirkā* 'жалеть, сожалеть' — *esiz* 'скверный, злой'; др.-тюр. *erīnčkā* 'проявлять жалость' < *erīnč* 'несчастье'; *alqa* 'благословлять, восхвалять' < **al* 'добрый, хороший' + -qa или

⁸⁰ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, с. 248.

⁸¹ Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские гуттуральные: *k', *k, *g. — Этимология. 1964. М., 1965, с. 338—340.

⁸² Сев. АГ, с. 240.

*al- + -qa (СЭСТЯ, 137); emgä- 'мучиться' < *em 'мучение, беспокойство' + -gä (СЭСТЯ, 273); elgä- 'сеять' < el 'рука' (СЭСТЯ, 262); qirğa- 'ругать, клаять' < qir 'злобный'; qarğa- 'ругать, бранить' < изобр. qar + -ğa (Сев. АГ, 243); узб. *иска-* 'нюхать' < *ис* 'запах' (СЭСТЯ, 382); узб. *лойқа-* 'мутнеть' — *лой* 'глина, грязь' ~ *лойқа* 'мутъ, ил'. Следует отметить, что иногда аффикс -ğa употребляется при тех же основах, что и аффикс -а⁸³.

Поскольку отыменная словообразовательная функция показателя -ğa аналогична показателю -а, то естественно ожидать, что будут совпадать и их функции при образовании вторичных глагольных основ. Действительно, в тюркских языках отмечается использование -ğa в интенсивно-учащательном значении⁸⁴. Э. В. Севортян рассматривает 12 примеров. В древнетюркских языках встречаются отдельные примеры: *irğa-* 'раскачивать, трясти' < *ir- 'качать' ~ *ir (СЭСТЯ, 661), *qurğa-* 'высыхать' — *qurğ-* 'сохнуть' (ср. Сев. АГ, 241, где *qur* рассматривается как именная основа); узб.: *булга-* 'пачкать, марать' — *була-* 'пачкать', *бурка-* 'запутывать, укутывать' < *бур-* 'повертывать'; *илға-* 'цеплять' (*кўз илғамас* 'необозримый') < *ил-* 'нацеплять'; *сила-* 'трясти, махать' — *сила-* 'гладить'; *тойға-* 'скользить' < *той-* 'скользить'; *тўнка-* 'сваливать вину на кого-либо' — *тўн-* 'вертеться' (РСЛ., 1249); *сурға-* 'волочить, тащить' < *сур-* 'двигать, передвигать'; *тарғал-* 'расходиться' — *тарал-* 'распространяться, разноситься' (ср. Сев. АГ, 245); *мингаш-* 'садиться вдвоем на лошадь' — *мин-* 'садиться верхом' (Сев. АГ, 245); *чайға-* 'полоскать' < *чай-* 'полоскать'.

И в том, и в другом случае аффикс -ğa ~ -ка непродуктивен, «форма на -га потеряла свою продуктивность в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками на тюркских языках»⁸⁵.

Э. В. Севортян разделяет взгляд «относительно генетического родства глаголообразующих форм -а- и -га-. ... так как он обоснован не только фонетически, но и морфологически, о чем свидетельствует материал тюркских языков»⁸⁶. Этот вывод хорошо согласуется с общеалтайской картиной и предлагаемыми реконструкциями архетипа аффикса. Объем образований с -а значительно шире, чем с показателем -га, что свидетельствует о большей активности модели с -а в тюркских языках. Обычно -а рассматривается как дальнейшее фонетическое развитие -ğa, следовательно, -а отражает более новый этап глаголообразования, чем модель

⁸³ Там же, с. 241—242.

⁸⁴ Там же, с. 243—247.

⁸⁵ Там же, с. 240.

⁸⁶ Там же.

с -ға. Данное положение подкрепляется также и количественным соотношением производных форм с указанными формантами.

Между тем рассмотрение форм -а как производной, вторичной по отношению к -ға не предпринимает вопроса о значимом компоненте в составе показателя. Как указывалось выше, формант -а активен в тюркских языках в сфере формообразования. Выступают в составе глагольных форм и аффиксы, где можно обнаружить элемент -ға (-ға-п — причастие; -ға! — модально-временная форма; -ға-к — отглагольное имя и др.). Их анализ здесь не проводится, однако общую оценку соотношения тюркских -а и -ға + С можно дать, учитывая их полную функциональную нагрузку.

Таким образом, можно реконструировать деривационный показатель *-а в тюркских и, по-видимому, монгольских языках. Н. Поппе, как указывалось, предполагал существование общеалтайского отглагольного имени на *-а⁸⁷. Для тунгусских языков показатель в такой форме реконструировать не удастся, хотя, по Г. Рамstedту, подобные именные формы в них имеются. Эти деривационные форманты в приглагольном употреблении выступали в качестве показателей СД, связанных с семантикой активно проявляющегося действия-процесса, т. е. с интенсивностью и уча-
тельностью.

Во всех группах языков восстанавливается показатель *-ға как общеалтайский праязыковой формант. Значит, мы склонны признать в общеалтайском две серии аффиксов — с гуттуральным началом и без него. Рассмотрение их соотношения следует переносить в плоскость автономных праязыковых реконструкций различной глубины. В тюркских языках -а есть закономерное отражение и пратю. *-а, и общеалт. *-а, а также может отражать пратю. *-ға, связанное с общеалт. *-ға. Вопрос о долготе гласного пока неясен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азерб. — азербайджанский
алт. — алтайский
бур. — бурятский
др.-тюр. — древнетюркский
дун. — дунянский
калм. — калмыцкий
караим. — караимский
кв.-письм. мо. — монгольский
 квадратной письменности
кирг. — киргизский
к.-калп. — каракалпакский
клас. мо. — монгольский
 классический

кумык. — кумыкский
ма. — маньчжурский
мо. — монгольские языки
монг. — монгольский
нан. — нанайский
нег. — негидальский
ног. — ногайский
орок. — орокский
ороч. — ороцкий
п.-мо. — монгольский
 старописьменный
тур. — турецкий
туркм. — туркменский

⁸⁷ См.: N. P o p p e. Introduction to Mongolian Comparative Studies, с. 273.

тюрк. — тюркские языки
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 ульч. — ульчский

эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 якут. — якутский

- Вас. ЭР — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
 РСл. — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1893—1911.
 ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2. Л., 1975—1977.
 ЭРС — В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. Эвенкийско-русский словарь. Л., 1960.
 RKW — G. J. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
 RVEWT — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.